

Женя Белоусов:

Женя — 1991. —
— 11-17 ноябр. (146). —
— с. 11

«С КАЖДЫМ ДНЕМ Я ВСЕ БЕДНЕЕ...»

Когда балерина рассуждает о танцах, а художник о живописи, публика вежливо скучает. Так уж получилось, что с Женей Белоусовым, популярным эстрадным исполнителем, мы разговорились не о музыке, а совсем о других, не менее высоких предметах.

— А у охранников, входящих в вашу «команду», есть пистолеты?

— Нет, конечно. Только баллончики. У нас же постоянные перелеты: как в самолете проведешь оружие? У меня есть газовый пистолет. Я лично его вожу. Если будут сложности с милицией, еще как-то сумею объяснить, зачем он мне. А охранник... Вообще, что такое охранник? Когда я работаю, он стоит в стороне и смотрит, чтобы какой-нибудь хулиган не выскочил на сцену. Когда закончился концерт и девочки рвутся в гримерную, охрана блокирует вход, чтобы я хотя бы переоделся. Без охраны иной раз не проберешься к автобусу.

— А с рэкетом вы когда-нибудь сталкивались?

— Последний такой случай был в Ашхабаде: выкрали моего брата Сашу. Он работает у нас барабанщиком и старше меня минут на двадцать. Но мы не похожи совсем, о чем очень жалеет наш директор.

— И в не меньшей мере, наверно, сам брат...

— Да брат-то как раз и не завидует. Мы с ним разные люди. У него золотые руки, он любит механизмы, машины, делать что-то по дому.

А вот петь, давать интервью, — ему претит... И его выкрали в Ашхабаде. Директора Валеру тоже держали под ножом, таскали по глухим местам, пугали. Мне ночью пришлось убежать из города. Детективная история: они оцепили аэропорт. Но я чудом проскочил: спрятал под куртку волосы, нарядился в чужую шапку... В Москве бросился в прокуратуру — существует сейчас специальный отдел по борьбе с рэкетом. Выручили, конечно, ребят. И сумму-то смешную те рэкетеры требовали...

— Женя, извините за нескромный вопрос, вы очень богатый человек?

— С каждым днем я все беднее и беднее: инфляция растет быстрее, чем мои доходы. Когда я только начинал работать, это был 89-й год, я думал: если так дальше пойдет, года через два я буду обеспечен на всю жизнь. Можно будет вообще не работать. Но сейчас сделал свою студию: это необходимость, а не от жиру. Ведь в чужой студии работать крайне неудобно: дается тебе восемь часов, изволь записать все партии, все инструменты, свести воедино песню. Это практически нереально, и получаются плохие записи. Что-то переделать нет возможности. Поэтому не могу без своей студии. Но на нее ушла масса денег. Квартиру пришлось покупать, поскольку я не москвич. А сколько это стоит, вы, наверно, представляете. В результате я имею только то, что и любой житель Москвы среднего достатка.

— А машина?

— У меня две: «БМВ» и «опель».

— Родителям помогаете?

— А как же? Мама получает на своей работе двести сорок рублей. Когда уйдет на пенсию, уговорю, чтобы ко мне переехала. Сейчас встречаемся редко, и я скучаю.

— А родители признают вас как «звезду»?

— Конечно, нет. Это было бы смешно. Мама пытается женить меня. Пока безуспешно.

— А вообще, как у вас складываются отношения с женщинами? Купаетесь в их любви и поклонении?

— Раньше я был влюбчивым человеком. Сейчас, когда стал известным, замечаю: девчонкам просто льстит, что я Женя Белоусов. Сам я как человек им неинтересен. Пройтись с Женей Белоусовым для них престижно. Бывает, девицы-поклонницы прямым текстом предлагают себя для любых удовольствий. Меня это корбит. Чем дальше, тем меньше остается близких людей. И я ценю старых друзей.

— Женя Белоусов, который поет со сцены «маленькая лгуня, поцелуй меня скорей», он какой? Он вам лично нравится?

— Он хороший. Очень. И поет про все хорошее. Когда мои родители, озверев от бытовых проблем, возвращаются домой, они не могут уже слышать ничего с надрывом. Единственное, что я могу для них сделать, — спеть про что-нибудь прекрасное. Нельзя жить с надрывом.

— Вы счастливый человек?

— Думаю, нет.

— Но ведь у вас есть все, о чем можно мечтать.

— Что, например?

— Слава.

— Слава оказалась совсем не тем, чего я ожидал. Когда мечтаешь о ней, видишь только ее лучшую сторону: цветы, сцена, свет, девушки, газеты пишут. К этому очень быстро привыкаешь — за месяц. А вот к сложностям привыкнуть невозможно...

— А что в славе особенно противно?

— Агрессия окружающих.

— Не хочется ли изменить свою жизнь?

— Она для меня естественна: я не умею сидеть на месте. С гастролей рвусь домой, из дома — на гастроль.

— А если фортуна разлюбит вас, и песни Жени Белоусова перестанут слушать?

— Буду играть на бас-гитаре.

Интервью взяла

Марина УСТИМЕНКО.

— Женя, сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— А почему вы — Женя, а не Евгений?

— Мне не нравится имя Евгений. Хотя все эти нынешние эстрадные «Люси» да «Пети» предпенсионного возраста и меня шокируют.

— Вы москвич?

— Я из Курска. Там закончил школу и музыкальное училище. Школьные учителя меня с содроганием вспоминают. Ожидали, что я попаду скорее в тюрьму, чем на телеэкран. Отец мой — подполковник, в отставке уже. Мама тоже человек военный, работает в засекреченном учреждении. И у таких серьезных родителей получился я. Работал на танцах, в ресторанах играл. Познакомился с Барри Алибасовым. Он пригласил меня в свое шоу «Интеграл». Это был 1985 год. Я играл на бас-гитаре и пел.

Родителям не нравилось, что я мотаюсь по стране, что у меня нет дома, что снимаю квартиру, живу без прописки. Они говорили: это работа несерьезная, временная, даже искали мне местечко в своей секретной военной части, чтоб я был приличным человеком, — перекалывал булавки с места на место.

— Значит, не было утра, когда вы проснулись «звездой»?

— Нечто подобное случилось после моего блестящего провала на телевизионном конкурсе «50×50». Со шлягером «Девочка моя синеглазая» я занял предпоследнее место, и телефон стал обрываться: приглашения, контракты, гастроли. «Давай-давай-давай!»... Тогда я и дал себе слово в конкурсах больше не участвовать.

— Но в Театре песни Аллы Пугачевой вы работали?

— Никогда, хотя было такое предложение. Во-первых, хотелось самому реализоваться — чтобы не было на мне эдакой печати: «его Пугачева вытянула». Во-вторых, предлагались достаточно кабальные условия: восемьдесят процентов заработанных денег нужно было отдавать театру. Возможно, сейчас ситуация изменилась, хотя всем заметно, какая там утечка кадров.

— А вы вообще кто — артист или бизнесмен?

— Конечно, артист. Наш шоу-бизнес настолько уродлив, что не стоит о нем даже говорить. Если человек уже сумел стать популярным — кассовым, — вокруг него собираются организаторы, директор, администраторы. Заключают договор с одним городом, с другим. Ставится дело на поток. Этот бизнес существует. А какой-то организации шоу-бизнеса, куда можно прийти, сказать: «Здравствуй, сделайте из меня «звезду», — и тебе ответят «пожалуйста», у нас нет. Нет того, что называется профессиональным менеджментом. Мне повезло. Очень много сделали для меня Любовь Воропаева и Виктор Дорохин. Сейчас мой с ними контракт закончился. Я сотрудничаю с Игорем Матвиенко и Александром Шагановым.

— Сколько людей в вашей «команде»?

— Шестнадцать. Включая человека, который ведет домашнее хозяйство.

— Говорят, у нас несколько эстрадных мафий...

— Глупости.

— Значит, неправда, что «люди Пугачевой» не любят, скажем, «людей Барри Алибасова»?

— Если нечто подобное и есть, то всегда основано на зависти. Кто-то много сил положил, а успеха нет, и тут какой-то Барри Алибасов с «На-на»: мальчики прыгают. Вроде несерьезно, а гастролзируют, полные залы, деньги. За что же тут любить? Хотя я не думаю, что конкретно у Пугачевой с Алибасовым плохие отношения. На сколько знаю, они нормально общаются, нормально дружат, видел съемку их недавно: они вместе, чуть ли не в обнимочку.